

ЭТНОГРАФИЯ

М.О. Османов

**РЕГУЛИРУЮЩИЕ ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ
ФУНКЦИИ ДАГЕСТАНСКОЙ
ОБЩИНЫ (В СВЯЗИ СО СКОТОВОДСТВОМ). XVII-XIX ВВ.**

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект 04-06-80066 а)

Пищевые цепи, лежащие в основе жизнедеятельности человека и связывающие первичные хозяйственные ячейки населения с освоенной территорией и домашними животными на ней, а также структура и сущность этих связей, их характерные особенности имели в Дагестане ряд специфических черт, придававших своеобразие соотношениям экологическая ниша – хозяйство – быт (общественный и семейный) – этнос.

Большое значение в особенностях пищевых цепей и хозяйственных связей, их организации, хозяйственно-правовых основах (угодья – животные – хозяйственные ячейки – быт) имели суровые природно-географические условия Дагестана (особенно горной части), малоземелье, бедность сельскохозяйственных угодий (особенно пахотоспособных и зимних пастбищ), связанный со всем этим невысокий жизненный уровень населения, его высокая плотность в сочетании с рудиментами родоплеменной структуры и этнической пестротой и т.п.

Одна из главных, судьбоносных особенностей в этом ряду – большая, по ряду аспектов почти абсолютная организующая, регулирующая и запретительно-разрешающая роль сельской общины в хозяйственно-правовом и морально-этическом аспектах жизни поселян, которая выступает как субъект и организатор хозяйственной и правовой политики, осуществления хозяйственной деятельности, установления и реализации правовых хозяйственно-экономических и морально-этических норм.

Таким образом, община выступала как орган производственной кооперации в поселении. В основе этой кооперации был совокупный комплекс единого земледельческо-скотоводческого или скотоводческо-земледельческого (в высокогорье) хозяйства, включающего обрабатываемые угодья, единые системы севооборота, ирригации, сельского выпаса и заготовки кормов.

На это были направлены и запретительные установления общины, обычного права с жесткими, суровыми и неотвратимыми, не знающими исключений для всех слоев и категорий населения наказаниями, в том числе штрафами (крупными, неподъемными для одной семьи), за их нарушение, призванные обеспечить нормальное течение хозяйственных циклов, комплексное гармоничное развитие хозяйства поселения.

В процессе реализации своих хозяйственных функций община руководствовалась исходным руководящим принципом: имеется одно хозяйство поселения, единое, комплексное, с разными отраслями, функционирование которых в интересах этого одного хозяйства (и поселения с его населением) община должна обеспечить. С целью рационального ведения хозяйства община устанавливала порядок и последовательность проведения хозяйственных операций земледельческого и скотоводческого циклов в рационально-приемлемой и наиболее продуктивной взаимосвязи.

Другой важный принцип, неуклонно исповедуемый и жестко реализуемый общиной, – единый подход к разным формам собственности на угодья при объединении их в целостный функционирующий хозяйственный организм. Не имело никакого значения,

какой объект (угодий) являлся частновладельческой собственностью (даже феодальной), какой – общинной, главным доминирующим был общий императив, подразумевающий единство хозяйственного организма и его структуры в поселении, и принцип обеспечения его функционирования, беспрепятственного, нормального, максимально, рационального с точки зрения его ведения и наиболее продуктивного по материальным результатам, с максимальной гармонизацией потребностей и интересов разных хозяйственных отраслей. И частновладельческие пахотные участки, используемые и под выгоны для скота, и общинные и личные сенокосы, также пускаемые под выпас и пастбища, используемые для сельских стад и отар, и сам скот – все имеют право на первостепенное внимание, хозяйственные возможности всех учитываются и оберегаются. Но все это планировалось, регулировалось и контролировалось в интересах единого сельскохозяйственного организма, гармонизации всех хозяйственных интересов, с акцентом на наивысшую производительность, конечный экономический результат (урожай, выход продукции) и сохранность угодий.

Последний аспект, надо сказать, также был в поле зрения общины, и многие ее установки носили практически природно-охранительный характер, вытекающий из стремления общины сохранить (и повысить) качественное состояние сельскохозяйственных угодий (запрет выпаса скота несколько сезонов года подряд на одних и тех же участках, обязательные общесельские «ремонтные» дни на террасных и сенокосных участках, смена назначений участков угодий и др.).

После этих предварительных замечаний остановимся на некоторых аспектах нашей темы более конкретно и подробно.

Отметим, прежде всего, всеобщее право каждого общинника в отдельности и всех членов общины вместе на использование всех видов выпасных угодий общины для пастбы их дойного и рабочего скота. Община выступала в качестве правового гаранта обеспечения пастбищами и кормами как всего сельского стада в целом, так и коров и рабочего скота каждого члена общины.

Особенности организации сельского выпаса, деления пастбищ и выгонов, вытекали из того, что как первобытная, так и крестьянская общины являются «хозяйственными организмами, причем столь ограниченными по своим размерам, что все их члены находятся в повседневном непосредственном контакте» (25. С. 88). В дагестанском ауле эти контакты были особенно тесны ввиду большой скученности поселения и вынесения всех сельскохозяйственных работ за пределы селения, в присельскую округу. Поэтому здесь был невозможен так называемый «приусадебный выпас» даже на равнине, как это имело место, например, на Западном Кавказе или Карпатах.

Скученность эта объяснялась интересами экономии пахотоспособных угодий и обороны. И само дагестанское поселение является средоточием населения вокруг совокупности обрабатываемых угодий, придатком к ней. Для обозначения этой округи существует и специальный термин (ургуба – даргинское, мегъ – аварское), подразумевающий совокупность всех присельских угодий без пастбищ. Правда, в литературе существует мнение, и весьма авторитетных исследователей, что «большое место скотоводства в хозяйственной жизни кавказских горцев» сыграло решающую роль в особенностях их поселений и способствовало сохранности общинных форм землепользования». «Заказное время, принудительный севооборот, организация орошения сенокосов в масштабах хеви регламентировались в первую очередь потребностями скотоводства» (24. С. 5-6). Сказанное можно отнести лишь к высокогорному Дагестану.

Относительно горного (среднегорного) Дагестана концепция скотоводческих поселений не имеет ни фактологической, ни логической базы. Здесь вопрос о главном занятии – земледелии или скотоводстве решается в пользу первого. Учтем также, что исторически с ростом скотоводства возникла проблема столкновения интересов земледелия и скотоводства и решалась она за счет огораживаний и выведения места основного выпаса скота за пределы присельской округи (одна из причин – предпосылок

отгонного скотоводства: «Выход литовку в горы был здесь связан прежде всего с желанием избежать потравы посевов») (30. С. 233, 237).

Соответственно тому, что лежало в основе поселения – земледелие или скотоводство, выдвигается в качестве основного предмета заботы общины и сама отрасль, ее состояние, функционирование. Для дагестанской равнины и нагорного Дагестана общинная инфраструктура и ее установления работают на земледелие и скотоводство (симбиозное хозяйство), для высокогорья – преимущественно на скотоводство.

Общепризнано, что «развитая детализация в законах случаев кражи скота» характерна для пастушеских племен (9. С. 129). В обычном праве народов Дагестана нет такого скотоводческого уклона, напротив, большее внимание уделяется охране обрабатываемых угодий. Но и в том, и в другом случае поселение – это «средоточие земельных угодий, находившихся в чересполосном владении», и выборный аппарат власти его являлся силой, обуздывающей «сепаратизм в целях обеспечения нормальной хозяйственной деятельности всего населения хеви как общественно-экономического единства, покоящегося на территориальной общности» (24. С. 6).

Как верно отмечает А.А. Шенникова, в земледельческой (крестьянской, соседской) общине нет родового строя, а есть лишь его «пережитки в сфере родственных отношений, в духовной культуре, но не в организации производственных коллективов». Здесь главная основа отношений между крестьянами – частная собственность, обуславливающая хозяйственную самостоятельность семьи, благодаря чему кровнородственные имущественные связи отступают на второй план и выдвигаются связи соседские. В этих условиях соседская община существует» почти исключительно как орган производственной кооперации» (28. С. 19). И в основе этой кооперации может существовать и единая ирригационная система, и единый севооборот, и единая система сельского выпаса, и совокупный комплекс единого земледельческо-скотоводческого или скотоводческо-земледельческого хозяйства. Общественный строй горного Кавказа характеризовался в XIX в. именно сельской общиной, и различие общин у разных народов и регионов заключалось не в том, что у одних она была родовая, у других – сельская, а в том, что у них были разные экономические основы.

Таким образом, обе основные отрасли хозяйства интерпретируются общиной в своей планирующей организационной деятельности как взаимосвязанные, взаимообусловленные (симбиозные); община как бы игнорирует, что существует две отрасли, что их интересы не всегда совпадают, противоречивы; она исходит из того, что имеется одно хозяйство, единое, комплексное, но имеющее разные отрасли, функционирование которых в интересах этого единого хозяйства община и должна обеспечить. Т.е. господствовал общий принцип обеспечения нормального функционирования хозяйства селения, в котором все планируется и контролируется в интересах единого сельского хозяйственного организма. Отметим при этом, что община, несколько даже превышая свои prerogatives, следила и за качеством обработки частных, индивидуальных угодий, состоянием их посевов, террас, удобренности их полей, севооборотов и т.п. Это не всегда осуществлялось путем прямого вмешательства или запрета, но наказывалось соответствующими косвенными мерами: нарушил сельский севооборот и засеял поле – оно немедленно снимается с охраны от потрав; плохо ухаживаешь за полем, полученным от общины для пользования, например, из вакуфных, мечетских земель, в следующем году не получишь; нерадиво, нерационально используешь воду для орошения – в другой раз получишь ее в последнюю очередь и т.п. Если же нарушение, нерадение было очевидным и чреватым последствиями и для будущего, применялись и прямые санкции, особенно если нарушение имело отношение к

общественным угодыям. Так, например, в установлениях Келебского союза обществ указывалось, что если кто не завезет достаточно навоза на пахотный участок джамаата, так чтобы между кучами навоза было два метра расстояния – с того взыскивается овца (23. С. 81,96,133).

Гармонизация всех хозяйственных интересов планировалась уже при комплектовании стад. Так, например, в горно-долинных селениях, где держали коз, учитывая их всеядность и губительность для растительности, деревьев, а также неустойчивость к холоду, пускали их на скалистые склоны средне – и нижнегорья без чабана, закрыв основные выходы из этих мест к угодыям и аулу. Время от времени хозяева коз или навевывались туда, или ограничивались обзором урочища издали (союз сельских обществ Гумбет).* Не очень доверяли в этом отношении и овцам. На примере последних часто отчетливо прослеживается приоритет растениеводства (в том числе заготовки кормов) при гармонизации интересов отраслей. В большинстве селений запрещалось держать овец в ауле, в присельской округе, и даже на собственных хуторах. В горно-долинном союзе обществ Хиндалал (Койсубу), чтобы привести на время истощенных овец в пределы сельских выгонов, даже на свой хутор, хозяин овец обязан был испросить разрешения схода. Но козы ни под каким видом не допускались в пределы округи. (8. С. 24).** Что дело тут не столько в недостатке пастбищ (хотя было и это), а в принципиальном отношении к имеющимся противоречиям обеих отраслей, видно на примере села Утамы (нижнее предгорье) – одного из богатейших в Дагестане по своим угодыям: и здесь овец не пускали в аул и округу ни летом, ни зимой. В союзе сельских обществ Андалал в присельской округе разрешали держать в хозяйстве только по одной доящейся корове. В Сюргинском союзе летом категорически не разрешали держать при ауле овец. Даже в тех селениях, где было совсем мало овец, хозяева обязаны были группировать их и выпасать в определенных общиной местах, если же возможности такого выпаса не было – надо было сдавать владельцам, уходящим на яйлаги, кышлаги (союз обществ Котур-Кюра).

И лишь в высокогорье (и то не везде), где возделанных угодий было меньше, а пастбищ – больше, допускалась большая свобода в сельском содержании овец, организации сельских стад с поочередным выпасом их владельцами (один день на 5 голов) или наймом чабана. Однако и здесь в местах, где был значителен удельный вес мясомолочного крупного рогатого скота (КРС) и поэтому была остра проблема зимнего кормообеспечения, также запрещалось приводить овец в селение (например, в Сюргинском союзе).

Особое отношение ко всему, что связано с земледелием, проявляется и в установлениях общины относительно КРС и рабочего, и дойного. Один из самых непреложных принципов в этом деле – не только обеспечение в первую очередь, лучшими пастбищами, но и близкими, прилегающими к селу и основным угодыям (пахотным и сенокосным), присельскими. Наиболее опекаемой категорией скота был рабочий скот – волы. Две черты в их содержании обнаруживают заинтересованность сельчан в их качественной пастьбе. Первая – только в пастьбе волов сохранился принцип общественного выпаса, основанного на обязательном поочередном привлечении хозяев скота. В этом проявлялась и элементарная практичность: недоверие к наемному труду в таком важном деле, а также тот факт, что волы как наиболее ценный скот (наравне с лошадьми) нуждались в охране. Стадо валов пасут сами же хозяева, числом от двух до двенадцати, в зависимости от величины стада и характера местности (ландшафт, наличие рядом крутых обрывов, леса), где находится пастбище, от активности скотокрадов и т.д. Например, в горной части стадо валов пасли два хозяина по очереди (союз обществ Мекеги); в предгорье – два днем и четыре ночью (каждый хозяин проводил у стада две ночи и один день, Урахинский союз обществ), а в лесистых предгорьях Кайтага и Табасарана со стадом находились шесть человек днем и двенадцать в ночную смену.

В тех довольно редких случаях, когда волов выпасал наемный пастух, на ночь в помощь ему ходили по 2 хозяина скота по очереди (Кулинский союз обществ). Увеличение количества присматривающих за скотом ночью объяснялось и необходимостью ночного выпаса волов, проработавших весь день (къаси чуял кваназари – аварское, гузет – даргинское, гезет – кумыкское) в периоды страды. А ночной выпас при большом стаде очень трудное дело, ибо надо не только следить, чтобы скот не разбрелся, не только его охранять, но и дозировать выпас и отдых скота, заставляя его пастись (не лежать, чего хочется усталому животному).

Вторая особенность в содержании волов – это выделение для них особых пастбищ, предусматривающих как высокие кормовые качества, так и близость их, максимальные удобства выпаса. Отводятся это пастбища в летний период, после весенних работ до летних, а затем и осенних. Цель: обеспечить в страдную пору полевых работ рабочему скоту максимум отличного корма и отдыха с обеспечением возможно близкого расстояния от выделенного для пастбы урочища до места основных работ. Эта практика зафиксирована повсеместно по Дагестану, но особенно в центральном нагорном Дагестане. Объясняется это, по-видимому, не только развитостью здесь земледелия и необходимостью приноровления к циклу земледельческих работ, но и сравнительно небольшим (имея в виду потребности земледелия) количеством рабочего скота, вызванным бедностью кормовой базы, и прежде всего сенокосов, а также характерным для этого региона хроническим недостатком хороших летних присельских пастбищ. Так, в союзе обществ Муги после сева для волов отводилось нетронутое (сага – целина) лучшее пастбище, и по 6 человек из хозяев, еженедельно сменяясь, пасли их. Каждая смена полностью отвечала за выпасаемое ею стадо волов, в том числе и за пропажу и пр. В союзе обществ Ганк волов с подобного участка приводили во время сбора снопов, затем вводили до обмолота и осенней пахоты. Повыше в горах, где хорошая трава вырастала позже, особый участок отводился для волов в период осеннего сева и обмолота. В союзе сельских обществ Анцросо было несколько периодов содержания волов на выделенных пастбищах: на высокогорном – от весеннего сева до осеннего, затем до похолодания на нижнем ярусе. Время содержания на избранном участке было разное: недельное – это наиболее распространенное, но бывали и однодневные, когда волы каждый вечер приводились в аул. Так, например, в Курахском союзе (Кюринский округ), характеризовавшемся развитыми и скотоводством, и земледелием, в части селений был однодневный цикл (например, село Шимихюр), в других (село Гельхан и др.) многодневный: скот держали на пастбище от весенней вспашки до жатвы без возврата. Кому нужны были волы для работы, тот просил очередника, идущего на выпас к волам, послать их с возвращающимся очередником (сс. Хпюг, Шимихюр, Гельхан, Рича). Кстати, эта традиционная функция пастухов-очередников отводить или приводить скот нуждающимся хозяевам, хотя и не числилась в перечне их функций, была тем не менее обязательной для исполнения. Даже если очередник был кровником человека, нуждающегося в приведении волов, он был обязан привести их по предложению нового очередника, пришедшего к стаду, до селения и там препоручить какому-либо мальчишке, чтобы он отвел волов их хозяину.

Высокая общественная значимость, придаваемая выпасу волов, видна и из санкций общины, применяемых к тем, кто проявлял нерадение или неуважение к своему долгу. Если очередник не являлся на выпас, даже если там в данный момент не было его скота, с него взыскивалась 1 мера (от 12 до 25 кг) пшеницы и пища пастуху-заменщику. Если он посылал вместо себя подростка – сына или женщину – 1 мера зерна. За неприход до полудня – мера зерна, за полный день – овца и т.д. (23. С. 81,96,133). Отметим также, что везде подчеркивают тот факт, что другой (кроме волов) скот на эти пастбища не допускался (сс. Хпюг, Шимихюр, Гоа, Рича и др.). Характерный случай произошел в 1860 г. в селе Хаджалмахи: община никак не могла оградить выделенный для волов участок от

забретающих других категорий скота. И тогда старшина предложил на сходе резать в пользу бедных любую найденную там скотину. Предложение было принято, а старшина в тот же вечер велел пастуху загнать туда своего лучшего, известного всему аулу и округе бугая. Затем «барламан» (исполнитель) «нашел» бугая и по приказу самого же старшины тот был немедленно зарезан для бедноты аула. Естественно, что после этого жители аула постарались не допустить потравы этого места своим скотом. Правда, в отдельных союзах обществ была традиция, по которой крестьянин, не имевший волов, имел право пустить на это пастбище одну корову (союз обществ Куяда).

Как известно, одним из главных условий рационального использования пастбищ является установление нагрузки «в соответствии с их емкостью», установление периода и продолжительности стравливания, установление пастбищеоборота для каждого массива и т.д. (22. С. 6-7). Подобный пастбищеоборот (периодическая смена способа использования угодий на выпас или сенокос) в Дагестане применялся и довольно активно. Ясно, что это подсказывал горцам их практический опыт (в опытах по проверке способов использования угодий В.И. Евсеева пастбищеоборот повысил сбор питательных веществ по сравнению с сенокосным использованием на 18 %, с пастбищным - на 29,4 %) (22. С. 7), а также вынуждала острая нехватка угодий. Община уделяла большое внимание и делению сельских выгонов и пастбищ. Оно определялось, помимо приоритета разных видов и категорий скота, качеством угодий и состоянием травяного покрова, их соответствием этим видам и категориям. Многие зависело в распределении пастбищ также от дееспособности общины, степени усиления общинной верхушки, от обеспеченности общины пастбищами, зональной расположенности поселения, степени зависимости от феодалов, от уровня развития земледельческого хозяйства.

В высокогорном союзе обществ Келеб, например, участки для разных видов скота определялись по травостою, и уже после разделения по видам кидался жребий для установления урочищ отдельным стадам и особенно кошам.*** По составу трав определялось распределение пастбищ и у дидойцев, а также в союзах обществ высокогорной Аварии, таких как Ухнада, Анцросо. Здесь наилучшей считалась трава открытых солнцу вершин (адра) как для выпаса, так и для сена. Такой же порядок был и в южном Дагестане, в частности у агулов.

Наиболее простой вид утилизации пастбищ открытый. В этом случае община лишь определяла начало вывода скота на пастбища, а также участки, сохраняемые для зимнего выпаса. В остальном каждый хозяин скота или группа хозяев могли вывести свой скот на любой участок и выпасать его там. Такой способ был характерен для селений с большим количеством пастбищ и особенно часто встречался в равнинном и высокогорном Дагестане. Но чаще было, конечно, регламентированное использование пастбищ, причем степень и перечень ограничивающих мероприятий сильно различались не только в разных природных зонах, но даже в пределах одной округи (в зависимости от воздействия перечисленных выше факторов использования пастбищ). Прежде всего община выделяла (и закрывала) участок, предназначенный для партнера по взаимному использованию разносезонных пастбищ, затем выделялся участок для сдачи в аренду, и только потом – участки для сельских стад и отар, в первую очередь для рабочего и дойного скота.

Во многих обществах каждую весну представители общины обходили уголья и определяли их назначение, особенно обращая внимание на выделение сенокосов. При этом первостепенное значение придавалось выделению пастбищ для зимнего выпаса. Так, в селе Чирката (Гумбетовский союз обществ) нижний ярус горных пастбищ был закрыт летом для всех видов скота. В зависимости от зоны и местного ландшафта эти зимние пастбища или требовали строгой охраны, или же их просто оставляли нетронутыми без особых предупредительных мер. У агулов даже считали, что охранять их нет никакой надобности, ведь летние (сув) и зимние (мех!) выпасы находились в разных местах (поясах) сельской округи. Ближе к равнине, в предгорьях, выеденные

весной выпасы летом все равно выгорали и были бесполезны для скота, но зато зимой представляли из себя хорошие пастбища.

Но не везде было так. У тех же агулов, если чабан летом нарушал границу и захватывал часть осеннего пастбища, у него тут же резали барана. Чтобы нарушение считалось состоявшимся фактом, необходимо было, чтобы границу перешли 5 овец, одна собака и один чабан. Если же баранов на запретной земле оказывалось больше – рос и размер штрафа. Строго разделялись зимние и летние пастбища и у даргинцев. И вообще вопрос использования зимой выгонов, пахотных и сенокосных угодий, солнечных экспозиций – зимних пригревов, имел особую остроту в связи с трудностями зимнего содержания скота, недостатком зимних пастбищ и заготовленных кормов. Поэтому община повсюду в горах запрещала использование летом для выпаса зимних пригревов, чтобы сохранить их для периода зимней бескормицы (ср. Гигатли, Карата, Кудиябросо, Годобери, Еимры, Шиназ, Кураг, Хпюг и др.).

Особое место занимает вопрос об обеспечении пастбищами овец. Община далеко не со столь большой готовностью и охотой заботилась об этом. Пастбища для овец выделялись лишь после того, когда все другие виды скота пастбищами были обеспечены. В некоторых селениях, в частности, долинных, часть лучших пастбищ, оставшихся после распределения, выделялась владельцам овец только за плату, иначе пастбища могли быть сданы барановодам других селений. Нередко община рассматривала свои отношения с барановодами в использовании сельских пастбищ как своеобразную экономическую сделку между ними. Отражением подобного отношения к овцам являлось и часто встречающееся категорическое запрещение привода овец к сельским выгонам, используемым для выпаса КРС.

Примером такой сделки может служить село Кабир: здесь на сельских землях летом оставалась пятая часть владельцев овец, и они были обязаны давать за это арендную плату общине. В селе Верхнее Мулебки за выпас овец на двух горах - Кьанда (весенний выпас) и Хьаранаци (летний) с владельцев крупных отар селения взималась арендная плата «кьарган». В селе Еинта общинные пастбища Гьумрила - бек и Кабкая сдавались владельцам отар за 70 баранов (мясо раздавалось подушно всем членам общины). Также брали плату с сельских барановодов в селениях Кулецама, Гимры, Унцукуль, Араканы, Ругельда и др. Иной раз, если даже владельцы овец не обязаны были арендовать за плату сельские пастбища, они должны были по возвращении с выпаса устраивать благотворительные раздачи овец и мяса беднейшим членам общины. Хотя это и не имело обязательной, правовой силы, но в противном случае при попытке использовать летние пастбища в следующем году у барановода могли возникнуть трудности. В отдельных обществах вообще не выделяли пастбищ для овец, как, например, в даргинском селе Еапшима, община которого считала, что одну-две овцы можно содержать вместе с другими видами скота, а кто хочет иметь больше, пусть организует (вступает) кош и арендует пастбища. В союзе обществ Технуцал аулы Ботлих, Конхидатль и Тасуда, в селениях других союзов Арчо, Рачабулда, Нижнее Инхело, Хелатлури и др. также не выделяли общественных выгонов для овец.

Особо следует отметить обилие при эксплуатации кормовых угодий разнообразных сервитутов. Так, например, у лакцев Казикумухского ханства при имевшейся частной собственности на пахотные и сенокосные угодья использование их в качестве выгонов принадлежало уже ханам, которые по своему усмотрению давали их на выпас за плату. Назывался этот сервитут «тамач». Сервитуты у лакцев описаны в литературе (7. С. 39-40). У высокогорных аварцев было, по выражению нашего респондента сел. Гиблиб, «двойное владение покосами»: один владеет до выкоса и уборки сена, другой пасет на нем скот после уборки сена (союз обществ Тлейсерух), А. Калантар называет их

«дробным владением земель - сено, отава, весенняя трава» (14. С. 174). В них бросается в глаза то, что ханская власть и отдельные лица получили права на присвоение функций, которые принадлежали прежде сельской общине и отправлялись ею в интересах всех отраслей и всего хозяйства аула. С такой же целью во многих местах община прибегала к принудительному чередованию севооборотов по отдельным урочищам сельских угодий и соответственно «закрыванию» и «открыванию» участков угодий, урочищ, с тем чтобы использовать часть пахотных и сенокосных угодий в качестве сельских выгонов и в летнее время и рационализировать использование всего комплекса угодий общины. Например, в селе Хаджалмахи все неполивные угодья делились на две части: восточную (Чяххи-Хухбурт) и западную (Хуссула кьада). Границей их было ущелье Хинцла кьадти. Каждый член общины, независимо от того, есть ли у него участок пашни или сенокоса в этих угодьях или нет – имеет право выпасать летом скот в той половине угодий, которая отведена под пар или перелог. «Раз ты член общины - значит, твой скот в сельском стаде, а стадо пасется там, где укажет джамаат. Земля хозяйская, но закон – джамаата» – объяснял наш респондент. Именно так оценивал это положение и Ф. Энгельс, когда указывал, что «принудительный выпас, естественно требовал, чтобы время посева, как и жатвы, не зависело от воли отдельного лица, а было для всех общим и устанавливалось общиной или обычаем» (31. С. 334).

Мы уже отмечали, что подобные «закрывания» и «открывания» имели в виду соблюдение как интересов земледелия, так и обеспечение кормом скота. Перевешивание в этом балансе зависело от удельного веса отраслей. Однако общинники, специально открывавшие для выпаса сенокосы и даже пахотные угодья, имели в виду и улучшение угодий, их унавоживание. Высокотравные субальпы хороши для сенокосов, но при длительном их использовании происходит развитие мхов и заторфовывание. И потому в качестве профилактики полезен, оказывается, умеренный выпас (10. С. 126). Рекомендация прямо гласит: в субальпах «желательно преимущественно сенокосное использование травостоя с периодическим, строго регулируемым выпасом» (29. С. 337). Горцам это правило открыл стихийный опыт, поэтому в горной части до середины июня, а повыше до конца июня были открыты для выпаса и сенокосы. Затем их закрывали и открывали только в октябре. Но поскольку в процессе пастбищеоборота использовались и обрабатываемые угодья, земли под насаждениями, то в горном Дагестане (особенно в центральном) чаще применялось поэтапное открытие и закрытие разных урочищ (союзы обществ Карата, Хиндала).

У аварцев, разработавших наиболее детальные правила использования угодий всех категорий для выпаса, сложился даже специальный термин, обозначающий открывание урочища: мегъ бихун - «разрушить» (запрет), «отпустить» (союз обществ Гумбет).

С учетом этого порядка весной с окончанием сева весь скот, рабочий, молочный и непродуктивный), выводился на дальние сельские пастбища, ближайшая же к аулу сельхозокруга (пашни, хутора, сенокосы, пастбища, оставляемые для зимнего выпаса) объявлялась закрытой для скота. Для скота, который на ночь приводился в селение, оставляли специальные проходы - дороги между угодьями, огражденные завалами камней, иногда плетнем, колючей изгородью. После уборки урожая объявлялись постепенно (поэтапно) открытыми для пастбы все угодья. Так выглядит эта этапность на примере селения Аракань (горнодолинное): стадо волов селения содержалось на яйлагах в урочище «Большой лес» (на Араканском хребте), стада коров и телок в урочище «Дирхъибазди». В августе глашатай объявлял, чтобы освободили от жнивья местность «Шураб кьа», которая предоставлялась стаду волов. В сентябре объявлялись открытыми для сенокосения субальпы и по его завершении сюда тоже можно было выгонять скот. В середине октября глашатай объявляет запрет на выезд из аула, пока каждый не уберет

кукурузу на своем участке, особенно на тех, через которые пролегают проходы-дороги к другим участкам и пастбищам.

После объявлялся сбор винограда, затем снятие урожая всех видов в местности Верхние теснины (куда приводилось стадо волов), через 3-4 дня указывалось на необходимость освобождения угодий в «нижних теснинах», которые тоже отдавались под выпас. Через 10 дней объявлялось об освобождении всех посевов от мельницы вверх по течению реки, и в самом конце освобождались все поля «до большой реки» (Койсу) (1. С. 13-14; 2. С. 57). С этого дня сельхозокруга в целом отдавалась под выпас; оставший убрать свое поле по неуважительным причинам мог лишиться урожая, его не ждали: если причина была уважительна – община ему помогала не выпасть из общего графика. Такой порядок соблюдался и в предгорных аулах (Касумкент, Шиляги, Чумлы) и нижнепредгорном Утамыше. Об аналогичной ситуации сообщает Г.-М. Амиров. Во время его пребывания в родном ауле (Урахи) глашатай объявил, что все сельские стада быков и три отары овец из шести (с указанием, какие именно) должны оставить местность Ирау, где они паслись до этого дня, и перейти в урочище Чавази (5. С. 36). Интересно отметить, что община часто регулировала не только очередность использования угодий, но и регламентировала трассы скотопргона, так как иногда пастух или чабаны из соображений, например, скорейшего достижения травяных мест, выбирали короткие, но небезопасные маршруты. Так, в установлении цекобского общества сказано, что община решила гнать стадо ослов и телят начиная с ущелья Ихакари, через стоянку овец Уммахана, ниже известковых выступов, если же стадо пустят по выступам - потери взыскиваются с пастуха (23. С. 102).

Отметим, что подобной, строго выверенной регламентацией не только охватывались все виды и категории земельной собственности, в том числе феодальная (если она имела) и вакуфная, в нее принудительно вовлекалась и вся система сельских хуторов, в том числе комплексных, многоотраслевых, представлявших единый хозяйственно-жилой комплекс и расположенных на собственной земле. Даже на хуторах, где имелись садовые участки, значительные межевые травяные откосы, жилье летом жизнь фактически замирала, и, по выражению респондентов, там оставались только куры, да один из членов семьи (чаще кто-либо из детей) приходил сюда приглядеть за участком. Характерно, что в регламентирующих установлениях общины наиболее жесткая отрицательная позиция выражена именно к жилым хуторам-комплексам. Например, она могла запретить разжигать там огонь (чтобы не могли готовить еду) и зажигать ночью свет (чтобы не могли там ночевать). Стоило кому-нибудь увидеть там дымок или свет ночью и немедленно следовали жесткие неподъемные экономические санкции (например, отбирание на убой для раздачи в ауле всей имеющейся на хуторе скотины или изгнание коров и быков из общего сельского стада).

В части селений из общей совокупности обрабатываемых земель создавались три группы – участки под озимые, яровые и под пар со строго соблюдаемой погодовой очередностью, пар отводится под выпас. И в этом делении отдельные общины не забывали подчеркнуть приоритет земледелия. В союзе обществ Ганк при этом трехчленном делении угодий, на землях отведенных под пар любого владельца разрешалось выпастить только волов, занятых земледельческими работами («запряженных в этот день»).

Назначение этого мероприятия, казалось бы, ясно – обеспечить скот дополнительной кормовой базой. Отчасти это справедливо, но только именно отчасти. Наш респондент, рассказав об этой традиции в селении Гапшима, затем добавил – от пашни как пастбища вообще-то мало толку, так как ее часто перепахивают. С перелогам дело обстоит лучше, но в горах перелогов было очень мало - этого не позволяли земельные ресурсы. Следовательно, суть этого порядка не в том, чтобы поставить пахотные угодья на службу скотоводству, на предмет выпаса, а в том, чтобы лучше организовать выпас на чересполосных землях, межах, в оврагах, на неудобьях, незанятых склонах и т.п.,

лежащих вокруг пахотных угодий, и при этом не нанести ущерба землепашеству а напротив, даже поддерживать его посредством уваживания почвы.

Таким образом, речь идет не об ущемлении одной отрасли в интересах другой, а о рациональном и эффективном использовании всей совокупности сельскохозяйственных угодий поселения в интересах аульного многоотраслевого хозяйства. Об этом свидетельствует пример осуществления принудительного чередования в селе Утамыш: в этом ауле не было недостатка в угодьях – больше 7 десятин пахотных угодий на хозяйство (один из самых высоких показателей в Дагестане); много было здесь пастбищ, лесов и соответственно имелось много скота. Неорошаемая часть общинных земель этого аула (в том числе и пахотных) была на потоке, и любой общинник мог сделать заимку и обработать землю под посев в любом конце сельских угодий. О недостатке пашни, земель под выпас не было и речи. И тем не менее принудительное чередование было и здесь, и оно имело целью рационализировать в первую очередь отданное на поток землепашество на общинных землях, оградить их от беспорядочного выпаса, но одновременно и наладить организованный, правильный выпас многочисленных сельских стад, т.е. задача заключалась в рационализации и упорядочении комплексного хозяйства поселения в целом.

Разумеется, такие порядки существовали не только у дагестанских крестьян. В частности, в горной Грузии отмечены двухлетние циклы чередования использования пахотных угодий в качестве пастбищ (12. С. 112-113, 117-118), у абхазцев этот институт получил название «времени, когда снимаются ограды». Связан он был «порядком, по которому все поля крестьян, с которых уже собран урожай, поступали в общественное пользование, т.е. правом беспрепятственного выпаса на полях, где убран урожай и разрушены ограды, пользовались все крестьяне села (6. С. 30-31). То же отмечено у армян - после уборки хлеба и сена участки «поступают в общее пользование, и никто не имеет права воспрещать пастьбу скота на своих участках», скот пасется на них (13. С. 49; 21. С. 18), «вне зависимости от их принадлежности», и владельцы даже зазывают пастухов на свои угодья (21. С. 18).

Аналогичное явление отмечено на Северном Кавказе, а также в Средней Азии, где весной до посева и осенью после снятия урожая «частновладельческие земельные участки превращались в общественные пастбища» (15. С. 124).

Однако ни в одном из названных регионов, хозяйственные организующие (установительные, распорядительные, запретительные и т.п.) функции общины не характеризовались такой полнотой, всеохватностью, жесткостью и всеобщей обязательностью, имея в виду включения угодий всех категорий, и охват всех категорий собственности, в том числе феодальной (где она имела), как в Дагестане.

В целях организации рационального ведения хозяйства аула община устанавливала порядок проведения работ земледельческого и скотоводческого цикла во взаимосвязи. На это были направлены и многочисленные запретительные установления обычного права, призванные не только оградить собственность и существующие общественные порядки, но и предупредить нарушение хозяйственных циклов, обеспечить комплексное гармоничное развитие хозяйства поселения, а также обеспечить и неотвратимость наказания за при громадности и неадекватности композиций несоблюдение хозяйственного порядка, за нарушении установлений. Иными словами, это показывает, что дагестанское обычное право, и изустное, и кодифицированное, обладало признаками т.н. «варварских» прав. А.Я. Гуревич отметил эти и другие особенности варварских прав, в т.ч. такие, как символичность (например, идентификация части с целым), формализм и ритуальность, явная несообразность штрафов и возмещений (11. С. 102, 104, 110, 118- 120), наказаний за малейшие проступки и т.д.

Прежде чем приступить к изложению охранительных и запретительных действий дагестанской общины в целях рациональной организации хозяйства поселения, приведем один характерный пример, характеризующий принципиальную позицию дагестанской общины, пока она была в силе и дееспособна, в ее отношении к общественным и частным интересам, в том числе связанным с содержанием скота.

В селе Урахи квартальный джамаат не разрешил владельцу С.-Махмуду перестроить дом с возведением второго этажа, т.к. в этом случае он закрывал от солнца дорожку к зимнему водопою для скота, отчего на дорожке будет образовываться лед, создающий для прогона скота трудности. С.-Махмуд пожаловался начальнику участка – наибу, который лично приехал разбирать это дело и принял сторону владельца дома. Однако квартальный джамаат был поддержан всей общиной и сельским судьей-кадием. На слова наиба, что участок есть собственность С.-Махмуда и он волен делать там, что он хочет, судья ответил, что это «у вас в России, а у нас не всегда и не всякий может пользоваться своею собственностью так, как ему угодно. Спора нет, когда это пользование не приносит вреда другому» (5. С. 72).

Почти аналогичные ситуации предусмотрены в адатах и других обществ. Так, например, в своде адатных установлений Келебского союза сельских обществ указывается, что, если кто возведет вокруг своей земли стену, а другой предъявит иск, что она ему мешает или вредит, старейшины посылают на место двух понятых – справедливых людей. Если они установят правоту истца, то, пока стена не будет снесена, с ответчика взыскивается штраф – по одной овце каждый день (23. С. 81).

А.В. Комаров, крупный знаток обычного права Дагестана пишет: «Главные причины всех ссор и драк – это поддержание и защита права собственности на землю, воду для поливки, скот и проч.» (по его данным, в 1864 г. 60 из 138 и в 1865 г. 129 из 274 случаев поранений и убийств были совершены по перечисленным им причинам) (16. С. 50). Выдвижение на первый план покосно-пастбищных и связанных со скотом конфликтов объясняется, по-видимому, нечеткими границами пастбищных угодий (в отличие от пахотных), наличием пастбищных гор совместного пользования разными обществами, нахождением пастбищ на границах разных обществ, отгонным скотоводством, создававшим множество ситуаций для конфликтов и т.д.

Остановимся на характеристике мер, утверждающих возможную анархию в общине. Организующие и охранительные меры в общине начинаются с общих установлений, определяющих места пребывания и выпаса скота. Почти во всех обществах вводится нормированное количество разного скота, разрешенного к содержанию в ауле и присельской округе – главным образом это рабочий скот, лошадь, 1-2 овцы, причем без права вывода на присельские выгоны (помимо общесельского стада). Все находящиеся в пределах сельской округи хутора также закрываются, «открытия» сенокосов и пахотных угодий (16. С. 50). А.В. Комаров также отмечает, что в Среднем и Западном Дагестане (т.е. в регионе наибольшего развития хуторской системы) на хуторах, устраиваемых обычно на пахотных местах, удаленных от селения, можно было жить только в рабочий период, срок которого определялся старшинами по совету с почетными людьми (16. С. 50).

В селах Цугни и Ураи (Сюргинский союз обществ) за привод в аул хотя бы одного барана полагался штраф в 20 коп. с головы, другой скотины – 1 мерка пшеницы. Такие меры конечно сокращали предпосылки потрав. В Мекегинском обществе разрешалось держать летом дома 1 барана или козла, лишнего сельсисполнители (тургаки) резали тут же на месте. В Урахинском обществе за одного лишнего барана взимали «сах» (малая мерка – от 1,5 до 4,5 кг) пшеницы, а остальных лишних резали. В ауле разрешалось держать только волов, одного осла и жеребца, за найденных сверх этого 2 серпа с каждой головы тургакам. Причем лошадь в конюшне (т.е. внутри аула) разрешалось держать не более трех дней, за нарушение полагалось 3 руб. штрафа тургакам. За быка и буйвола, не отправленного в стадо – 1 руб. в день, корову и осла – половина сабы (меры в 20-24 кг)

пшеницы, за теленка – 1 сах зерна. Штрафы и компенсации взимались от имени старшины, кадия, судей, но решения об этих санкциях принимались (утверждались) на сельском сходе. В Акушинском союзе обществ разрешали держать 2-х баранов, за превышение сначала предупреждали, второй раз брали штраф 1 сах зерна с головы (20-25 коп.), в третий раз барана резали. Можно было держать только волов и жеребца. В Усишинском обществе пребывание овец в ауле было регламентировано более детально: в период весеннего отгона до выгона овец в горы можно держать трех, с этого времени до спуска с гор – одну; лишние режут тургаки (4. С. 43, 57, 109, 97, 82). Очень характерно установление в Кара-Кайтаге; в период летнего стадного содержания скота, если чья-нибудь скотина зайдет в чей-либо сад, даже и в свой, то она режется и потребляется обществом» (3. С. 578). Во многих обществах оставление дома скотины при наличии сельского стада наказывалось штрафом (3. С. 214-215; 4. С. 43, 97).

Так, в адатах Цекобского общества определено, что когда, летом скот угоняют в горы на летние пастбища никто не должен оставаться в селении или хуторе со своим скотом. Если кто пустит скот на запретные места (долины, сенокосы, пахотные участки, безразлично солнечные или тенивые), взыскивается одна коза (23. С. 101). Еще более жесткое установление было в Цудахарском союзе сельских обществ – для предупреждения потрав разрешалось держать в ауле только двух баранов, имевшихся сверх этого количества тургаки (исполнители) имели право зарезать на месте в пользу бедных (и себя) (4. С. 123).

Разумеется, при этом наибольшее внимание уделялось «сбережению общественных полей от потрав». Для этого назначались сторожа или смотрители (курухчи, Гел, чауши, тургак) (18. С. 33). Характерно, что во многих случаях адат предусматривал штраф в пользу как исполнителей, «которые, найдя скот на общественных землях, берут в свою пользу барана или стоимость его с хозяина скота», так и общества. У даргинцев, если тургаки обнаруживал на закрытом общественном покосе или пастбище скот, то помимо других компенсаций, лично им полагалось с нарушителей – с отары овец – 2 лучших (на выбор тургаков) барана, со стада крупного рогатого скота – один бык ценой не меньше 5 руб. (3. С. 82, 96, 97).

Иногда предусматривалась постепенность наказания – в Кайтаге с потравщика сторожа брали в первый раз один чурек, во второй и третий – по 1 мере пшеницы (3. С. 538). В высокогорных аварских союзах обществ Антль-Ратля (Джурмут, Бохнада, Глебель, Ухнада, Тланада, Анцросо), Местеруха, Мукратля при потраве общественной земли не ограничивались сторожами, а посылали двух почетных людей, которые оценивали убыток и взыскивали его с владельцев близлежащих частных земель. Если их было много и никто не сознавался, им давалось право очистительной присяги, и взыскивание осуществлялось с того, кто от присяги отказался. Характерно, что адат предусмотрел и такой вариант: когда присягу готовы дать все, тогда она не принимается, а убыток взыскивается со всех поровну (3. С. 418; 18. С. 34). Предусмотрены были штрафы и для старейшин и исполнителей: если они скроют того, кто допустил потраву, – 1 баран с каждого; если откажутся по требованию дать присягу о правильном взимании штрафов – 2 овцы с каждого (3. С. 78).

Поскольку деятельность должностных лиц исполнительной власти была в общем-то на виду, можно сказать, что бесконтрольность их действий, вседозволенность, мздоимство и лихоимство оставалось очень мало места. Ведь любой полноправный член общины мог обратиться к кадию или старшине с жалобой, протестом и даже требованием созыва схода (в этом случае его должен был поддержать свой тухум или квартальный джамаат), если он считал, что действия старейшин или кадия (старшины) несправедливы и неправомерны. На предупреждение подобных ситуаций, злоупотреблений положением

и властью и были направлены статьи (положения) адата (обычного права) вроде вышеприведенных взысканий в одну овцу с исполнителей и старейшин за плохую работу.

Была предусмотрена и такая ситуация, при которой старейшина мог почему-либо отказаться от дальнейшей работы, что могло оказать отрицательное воздействие вообще на механизм функционирования общественной власти. По этому случаю сказано, что если кто из старейшин откололся и отказался участвовать в установлении общественного порядка – штраф одна овца (23. С. 98, 99).

А в адатах Келебского союза обществ были предусмотрены статьи для нерадивых и неисполнительных старейшин и исполнителей. Так, если старейшины медлят с взиманием штрафа более одной недели, то штраф в том же объеме, в каком они должны были взыскать, – взыскивается с них самих. А если исполнители по предложению старейшин не пойдут на взыскание штрафа (толи из-за нерадения, толи по каким-либо причинам или обстоятельствам), то с них взыскивается штраф в том же объеме (23. С. 76). Не были бесконтрольны и потерпевшие: возмещение хозяину полагалось в размере, установленном по его присяге.

Однако, если говорить о правах членов общины, необходимо отметить, что они не были беззащитными и обычное право гарантировало их свободу и сохранность их собственности, и в этом смысле они имели возможность вступить в конфликт и с самим джамаатом (общиной). Так, например, общинник мог вступить в поземельный спор с общиной. В этом случае на спорное место посылались 1-2-3 почетных старика из нейтральных родов или тухумов (общинник имел право дать мотивированный отвод любому из представителей третейского суда) и на основании их заключения принималось решение о присуждении участка (другой инстанции, кроме них, не было). В некоторых случаях за общинника (против общины) давали присягу два старика из рода истца и один – из другого тухума (это делалось при таких обстоятельствах, когда не было знающих чересполосицу сельских угодий стариков) (27. С. 19; 3. С. 423).

Более основательно решались подобные вопросы в андийских союзах сельских обществ (союзы Анди, Карата, Багулал, Чамалал, Ункрать, Тинди, Хварши и др.). Здесь выбирались 15 почетных стариков, которые должны были обойти спорный участок и показать на месте границы общественной земли и собственной земли предполагаемого захватчика (23. С. 176). Их решение было окончательным.

Наказания за потравы общественных земель были особенно строгими. В Аварском ханстве за имевшую место потраву, если даже никто не видел и никто не сознается, «штраф взыскивается со всех ближайших пастухов» (3. С. 449). В любом случае владелец скота и пастух обязаны принимать «присягу о том, что их скот не съедал травы на запретных землях общества», за отказ – 1 баран весной и мера зерна осенью. Такое же наказание предусматривалось за пуск овец на пахотные угодья. За потраву специального пастбища волов – 1 овца, но в это же время, если пастух пустил на охраняемое пастбище (например, для зимнего выпаса) – с него 1 мерка зерна (23. С. 78). В Гидатлинском обществе «с того, кто посылал скот пастись в заповедные луга» взымали штраф – котел и 4 ратГала, (ратГал – мера в 6 фунтов); такой же штраф взымали за скашивание травы с чужой земли с того, «кто погнал намеренно свой скот на чужую собственность» (18. С. 34-35).

В Цудахарском союзе сельских обществ за потраву пашни, сенокоса или пастбища полагалось хозяину удовлетворение по цене и штраф в пользу тургаков (исполнителей) - 4-5 руб. Однако, если скот выпущен на запретные места или частные угодья, но потрава не состоялась, взыскивается только штраф (4. С. 123). В Цекобском обществе потерпевший от потравы сенокоса обязан был об этом заявить старшине, который посылал двух опытных и справедливых человек для оценки убытка, который обязан был возместить хозяин скотины. В случае, если обвиняемый отрицал свою вину (своей скотины), вопрос решается или обвинительной (со стороны пострадавшего), или

очистительной (со стороны обвиняемого) присягой (выбор принадлежал пострадавшему, решал старшина) с числом соприсягателей по стоимости убытка, но не меньше трех (23. С. 124). Еще больше наказание полагалось за вспашку, использование участка для выпаса или выкачивания пустыря, не подлежащего раздаче, – 2 котла весом в 4 ратГала каждый. Очень любопытно также добавление и этому пункту адата: «Если кто-либо своим скотом потравил урожай или траву на присвоенной вышеуказанным образом земле, то с него не взыскивается ни компенсации, ни штрафа (27. С. 27). Еще большую строгость в этом вопросе проявил Цекобский джамаат за распашку общественного выгона: за 1 борозду на солнечной стороне – 2 овцы, на теневой за участок в полсаха посева – 1 овца (23. С. 96). Характерно различен в одном и том же пункте потравы посева и покоса: помимо удовлетворения ущерба по оценке полагалось тургакам за потраву покоса – 1 серп или 1 сах пшеницы (20 коп.), посева – 1 руб. за дневную потраву и 3 руб. за ночную., т.е. в 15 раз больше, чем за сенокос. Категорически запрещалось любое строительство, даже самое незначительное, на общественных землях. В сел. Мачада, например, постройку нарушителя разрушали и взымали штраф – медный котел в 3 ратГала (3. С. 109; 18. С. 34). Ночная потрава считалась более тяжкой, в ней усматривался элемент умысла, поэтому во многих обществах в этом случае требовалась самая суровая очистительная присяга на расторжение брачных уз (хатун-талах). Поэтому за потравы с умыслом штрафы были огромными: например, у даргинцев, если была просто потрава, то полагалось возмещение хозяину и штраф 3 руб. в пользу джамаата, если же при скотине был хозяин или пастух, то в пользу джамаата взыскивается уже 7 быков (4. С. 42).

Более того, если около овец, пасущихся в запрещенном месте, окажется человек, член общины (если даже он не владелец, не чабан или пастух), с него взыскивается один баран, если людей несколько – с каждого по барану – мера, призванная дисциплинировать, укрепить членов общины в защите общественных интересов.

Также предусмотрительна была община в отношении сохранности общественного леса. В безлесных местах, особенно у лакцев, даргинцев, в горных долинах лес строго охранялся, и для сбора дров (валежника) назначались специальные дни с надзором, а для строительства дома для члена общины выделялась небольшая делянка (иногда, если деревья в лесу большие – просто одно-два дерева) с тщательным учетом строительного леса. Естественно, что скот в лес не допускался. У даргинцев за выпуск скотины в лес взыскивался штраф в пользу общины (один бык стоимостью не меньше 12 руб.) и тургаков (4. С. 42,69,109; 23. С. 78).

В Цекобском обществе даже за вынос из леса сырых дров (без санкции), иногда остававшихся после вырубki на строительство или бури, взыскивался штраф в пользу общины – одна овца (23. С. 101). Более строго наказывали за вырубку леса, даже одного маленького деревца (например, для топорища и даже кнутовища). В Мекегинском союзе сельских обществ за такую рубку без разрешения кадия или исполнителей взыскивался в пользу общины один бык (4. С. 57).

В части обществ при неумышленной потраве штрафа в пользу джамаата не было (4. С. 42, 57). О строгих штрафах за «потраву сена, сенокосного места и пр.» говорится в обычном праве Тиндальского, Технуцальского, Каратинского, Ункратль-Чамалалского, Андийского, Гумбетовского союзов обществ. Здесь привлекает внимание такая статья: «За приложение дорожки через пахотное поле или покосное место взыскивается 1 мера пшеницы». В Гидатле за потраву частного сенокоса взымалась стоимость потравленной травы для хозяина участка (в «размере, установленном по его присяге») и одна корова в пользу общества. За выкашивание сена с общинного сенокоса после объявления закрытия с виновника – один медный котел. Еще строже было наказание в одном из гидатлинских сел – Тидибе: кто скосит траву с чужого сенокоса или любого угодия – компенсация котел в четыре ратГала. У даргинцев за потраву частного сенокоса с хозяина скота

взыскивалась цена убытка для хозяина покоса и штраф в 3 руб. в пользу тургаков, если же речь идет и о посевах, то еще 3 руб. джамаату (общине).

Особенно жестко наказывались поджоги сенокосов. В обычном праве Цекобского общества за поджог охраняемого общественного сенокоса на участке, равном площади двух развернутых наплечных бурок, взыскивалось: до весеннего равноденствия – два быка (15 овец), позже этого срока – один медный котел в три ратала. Если сожженная площадь больше, штраф соответственно увеличивался (23. С. 95, 124, 133, 138, 139, 150, 151, 154, 161, 168, 176; 4. С. 97, 82; 27. С. 17, 19. 18. С. 35).

Следила община и за регулированием взаимоотношений, связанных с взаимными хозяйственными услугами с членами других джамаатов. Так, например, если старейшины соглашались (намеревались) продать сельскую общественную землю, с каждого из них взималось по овце. С члена общины за продажу пахотной или покосной земли чужаку взимался 1 бык за каждый день нахождения земли у чужака, а за сдачу в аренду участка пашни или пастбища – одна овца.

В Андалальском союзе обществ, если член общины («один из наших») продаст чужому пахотные земли или дом, – штраф 300 баранов, и проданное переходит в собственность общины (23. С. 62). А в Келебском союзе обществ если кто продаст или подарит человеку из другого общества пахотный участок или сенокос с него ежедневно взыскивать по одному быку стоимостью в шесть овец (23. С. 77) (до расторжения сделки или добровольного самоизгнания общинника из селения). В Цекобском обществе за содержание в любом месте угодий села на основе взаимных услуг более 3-х овец иносельчанина взималась 1 овца, а в Келебском обществе за подобное содержание на своей земле без разрешения общины – 3 овцы. Более того, если без соответствующего согласия общины смешать своих овец с овцами другого селения взыскивается 1 бык, оцененный не меньше чем в 8 овец (23. С. 75, 77, 78, 96).

Подробно разработанная система установлений относительно наказаний за содержание в ауле чужого скота с учетом как его видов и категорий, так и времени его пребывания была у аварцев ханства (23. С. 268).

В постановлениях Цекобского джамаата штраф в одного 4 – летнего быка предусмотрен не только за содержание чужого скота в селе или на своем хуторе, но и за продажу сена или мякины жителю соседнего селения Хучада.

В адатах Келебского общества даже за продажу навоза на удобрение в другое селение взыскивалась одна овца, если же провинившийся не выполнял этого установления, у него отнимали участок земли установленной площади (равный «участку Исмаила») (23. С. 75, 102).

В установлениях как бы подавляется всякая мысль о несанкционированной сельским сходом передаче скота, земли, приема на содержание скота и пр. Иногда здесь в штрафах проступает та «явная несообразность штрафов и возмещений» и несоразмерность наказаний, которая отмечена А.Я. Гуревичем для «варварских правд» (11. С. 118). Так, например, как указывалось, за продажу пахотного или сенокосного участка чужаку в адатах Келебского общества с виновного полагалось взыскивать ежедневно по одному быку. За сдачу в аренду иносельчанину – 2 овцы ежедневно и т.д. (23. С. 75, 77). Правда, здесь, не очень подходит интерпретация автора, полагающего, что эти «несообразности» исходят из стремления общины защитить свою собственность, подавить своеволие общинников и установить равновесие между обществом и личностью, просто из традиций (раньше штраф «падал на род») (11. С. 119, 120). Как мы могли убедиться, дагестанская община в своих установлениях не делает разницы между частновладельческой и общинной собственностью, между скотом крупных и мелких владельцев. Для нее важно установить категории угодий и порядки их использования, устранить возможные помехи для нормального функционирования обеих главных отраслей хозяйства, обеспечить согласованность хозяйственных циклов обеих отраслей с

извлечением для каждой из них максимальной выгоды из этой согласованности, симбиоза.

Другими словами, главным здесь является обеспечение максимального хозяйственного (урожайно-продуктивного) эффекта посредством гармонизации хозяйственных циклов земледелия и скотоводства (скотоводства и земледелия), при имеющемся объективном недостатке хозяйственных угодий, качественная сохранность которых также предусматривалась этими установлениями.

В этой своей деятельности община препятствовала, в частности, утверждению отмеченного К. Марксом для пастушеских народов положения, при котором «собственность на естественные продукты земли, например, на овец, – это одновременно и собственность на луга, на которых они пасутся» (20. С. 480). При этом во избежание анархии в наказаниях, адат делает попытки персонификации ответственности и штрафов. Например, у даргинцев, когда скот в стаде, в коше, по всем вопросам о потравах и кражах скота отвечает за все старший чабан (хула букун, удаман) (3. С. 69).

Особую категорию составляют штрафы, относящиеся непосредственно и скоту. И тут довлеет один принцип – обеспечить его неприкосновенность и сохранность. Начать хотя бы с того, что о всякой болезни скота хозяин должен заявить сельскому суду, виновный в нарушении этого правила платит штраф 5 руб. в пользу общества (3. С. 450). За нанесение раны чужой скотине штраф – 4-летний бык (в 8 руб.) обществу и равный хозяину побитой скотине, даже за отрезание хвоста – такая же скотина владельцу и 3 овцы обществу; более того, если ударит чужую скотину вне своего владения (мулка) – 1 овца. А если кто убьет чужую собаку без причины – с него такую же собаку и овцу, если по причине – только собаку или только овцу (на выбор) (23. С. 97, 262). У аварцев ханства за умышленное умерщвление чужой скотины – ее двойная стоимость и штраф в пользу общества – 5 руб., союзу обществ или хану – 10 руб.; за отрезание хвоста лошади – половина ее стоимости по оценке добросовестных людей и штраф: 3 руб. обществу, 10 – союзу. Подобные статьи зафиксированы по всему Дагестану (4. С. 123; 3. С. 490-491. См. также С. 105, 127, 149, 169, 190, 214, 235, 258, 297, 319-320, 370, 448, 467, 502). Бывают, правда, определенные нюансы: в Акушинском союзе раненая скотина отдается ответчику в обмен на здоровую по выбору истца, а вот за отрезание хвоста лошади взимается бык, но если прорезана только кожа хвоста, то штраф как за поранение, т.е. взимается равноценная лошадь. В Мекегинском и Урахинском союзах обществ полагался еще бык для джамаата. В Сюргинском союзе к этой статье имеется очень характерное добавление: ответчик не несет наказания, если скот или лошадь делали потраву угодий ответчика не один раз и хозяин скота был предупрежден об этом (3. С. 127, 142, 190, 214).

Суровые наказания предусматривались за увод и кражу скота. При этом, чтобы не было заблуждений на этот счет, была специальная статья, приравнивавшая кражу у пастухов на кутане или хуторе к домашней краже, т.е. речь будет идти, следовательно, и о возмещении, и о штрафе (27. С. 19).

У кумыков за кражу барана, помимо возмещения его стоимости, полагалось 30 руб. штрафа с каждого участника кражи, причем если их было даже десять на одного барана (предупреждение соучастия, молодежных «налетов» для устройства вечеринок) (17. С. 206). У южных даргинцев за увод скотины полагалось одного только штрафа 100 мер зерна (в 8-12 фунтов каждая). Если же кто-либо отказался от выплаты штрафа, полагалось «не допускать в стадо его скот» (19. С. 29-30). Вместе с тем следует признать, что в наказаниях, предусмотренных за кражу скота, община старалась соблюсти определенную соразмерность вины и предусмотренной санкции, объективность и справедливость. Так, в обычном праве Урахинского союза обществ при краже скотины, если она найдена, то возвращается хозяину, но помимо этого ему полагается еще

компенсация: за лошадь, мула и буйвола – бык стоимостью 10 руб., за быка – бычок в 6 руб., за корову и осла – 3 руб., за молодую скотину - половина от большой, за баранов – по 10 баранов за каждого (этот пункт явно нарушает пропорциональность компенсаций и вызван, видимо, или особой ценностью здесь мелкого рогатого скота, или влиянием барановодов, или спецификой кражи с пастбищ, в отдаленных местах).

Однако, если обвинение предъявлено только по подозрению – тогда пострадавший получает скотину, подобную и равноценную украденной, по выбору, но компенсация не взыскивается (4. С. 93).

Характерно, что община очень строго относилась к кражам с хозяйственных объектов, угодий. Возможно, это объяснялось стремлением оградить ритм хозяйственной жизни от потрясений, пониманием того, что в период хозяйственных работ (пахота, сев, жатва, обмолот и др.) труженики бывают заняты работой, они усталые и поэтому менее способны к отправлению охранных функций. Поэтому за воровство с мельницы, пашни, гумна и за воровство хлеба в колосьях, помимо удовлетворения ворованного, штраф взыскивается вдвое (4. С. 121).

Своеобразный штраф нерадивому пастуху, у которого украли скотину, был предусмотрен в Келебском союзе обществ: пахотный участок, равный известному в обществе «участку Исмаила», независимо от величины краденного. Впоследствии вместо участка можно было отдать 30 баранов или их стоимость (23. С. 75).

Вообще положение пастуха в этом отношении не очень завидное. Если он дал возможность украсть скот с пастбища – 1 бык штрафа, но если он поднял ложную тревогу – опять же 1 бык (27. С. 19).

В то же время обычное право пытается оградить как пастухов, так и общинных смотрителей и сторожей от последствий естественной отрицательной реакции провинившихся людей. Так, например, в Андалальском союзе обществ было установлено, что если, кто ударит исполнителя рукой или чем нибудь другим, с него взыскивается один бык (23. С. 65).

В Келебском союзе обществ за драку с сельскими исполнителями с виновного взыскивается один бык стоимостью в шесть овец (23. С. 75).

У гидатлинцев на этот счет было очень суровое определение: «Если кто спорит и скандалит с общинной охраной, когда она удаляет его скот с посевов» – штраф 7 коров и накормить 100 человек (27. С. 29). У даргинцев убийство считалось «кара» (предумышленное, с отягчающими обстоятельствами, не прощаемое, ставящее убийцу вне общества, вне закона), если кто задержит чужую скотину на своей пашне или покосе, а хозяин скотины будет сопротивляться этому задержанию и убьет задержавшего». В другом месте « постановлено считать кара всякое убийство, совершенное в урочищах, удаленных от населенных мест» (3. С. 86,17), явная это попытка ограничить столкновения на границах отдаленных угодий.

Большое место в обычном праве занимали постановления, имеющие целью согласование хозяйственных интересов в межобщинном и региональном масштабе. Отсутствие единой центральной власти в условиях, когда одним из животрепещущих вопросов хозяйства было рациональное использование разнотонных угодий, находящихся в разных районах и политических образованиях, делало подобную регулировку крайне необходимой. Осуществлялось это согласование сначала внутри пределов союзов обществ. Хорошо разработанными в этом отношении являлись адаты союза обществ Гидатль. Например, для выпаса отар на общей пастбищной горе, выделенной союзом для негидатлинских селений Ратлуб и Ахвах, требовалось согласие всех 6 аулов общества, а также Ратлуба и Ахваха. Нарушитель подвергался штрафу - 1 четырехгодовалый (т.е. уже полностью сложившийся и годный для рабочего использования) бык (27. С. 37).

Чтобы уменьшить предпосылки для возникновения конфликтных ситуаций, обычное право предписывало собирать в горах отары не ближе выстрела кремневки друг от друга (за несоблюдение – 1 овца).

Если при этом один напал и выгнал отару другого, то с виновника овца. Если при этом напавший убит, «за него не взыскивается выкуп и кровь его считается пропавшей» (27. С. 35).

Особенно тщательно были разработаны вопросы взаимоотношений и конфликтов между общинами в сводных кодексах общинного права кайтагского уцмья Рустем-Хана и Уммухана Аварского (Справедливого). Так, в кодексе последнего указывается, что если жители одного селения пустят скот на чужие пастбища и хозяева пастбищ, найдя чужой скот, начнут выгонять его и в это время придут владельцы скота и учинят драку, то с каждого владельца скота, участника драки взыскивается пять овец в пользу хана.

Если же жители одного аула нападут на другой аул - с них 30 овец штрафа, если нападавших мало (1-2 человека), то по пять овец с каждого и они лишаются доли (пользования) в горных пастбищах под названием Арах-меер и Тамаш-меер (общеварские пастбищные горы) (23. С. 265, 269).

Подобные сводные кодексы имелись и у союзов общин. Так в своде Карахского союза в случае поземельного (или за выпас по весенней траве) спора, если одна из сторон заявит о желании принять присягу с указанным противной стороной числом соприсягателей – другое общество не имеет права отказаться от этой присяги. Если заявление обоих обществ подтвердят свидетели – оспариваемое делится пополам, если одно общество не выставит свидетелей – присуждается противной стороне. Естественно, что свидетели из спорящего общества не допускаются (3. С. 422).

Еще одна показательная статья кодекса: «Если жители одного аула самоуправно захватят луга и нивы другого аула, нарушив при этом обычаи края и законы кодекса, то соседние аулы должны заступиться и дать отпор нападающим».

Если не сделают этого – с каждого из аулов 10 овец (23. С. 268). (Подобного характера статьи были во многих сводных кодексах.)

Очень характерная статья содержится в обычном праве даргинских обществ. В ней говорится, что претензии по подозрению не допускаются на шамхала, ханов, уцмья, беков, но и от них всех на жителей союза союзов обществ даргинцев (Акуша-Дарго) (3. С. 260).

Следующая ступень регулирования на уровне между политическими образованиями (союзами обществ и феодальными владениями). Например, из истории известно, насколько натянутыми, если не сказать сильнее, были отношения между Хунзахским (Аварским) ханством и Гидатлинским обществом (вспомним о Хочбаре), между тем между ними существовало соглашение о том, что «с виновного в нападении на стадо овец и увоза овцы взыскивается один бык» (27. С. 39). Подобная несоразмерность наказания должна была отвратить преступление и обеспечить спокойное перекрестное, чересполосное использование разносезонных пастбищных угодий этими обществами. Такие же соглашения, являвшиеся своего рода согласованным обобщением адатов разных обществ, были между многими обществами. Так, например, если внутри даргинских обществ старший чабан отвечал и за потравы и за воровство своих пастухов, то в соглашении с Казикумухским ханством он отвечает только за потравы (4. С. 124). Позиция ясна: во взаимоотношениях с чужими обществами, на чужой земле трудно уследить за действиями чабанов, не связанными с их основной производственной деятельностью – выпасом (потрава более очевидна).

Отметим, что в характере и структуре экономических и политических взаимоотношений союзов сельских общин (вольных обществ) с ханствами, феодалами заметна явная и даже подчеркиваемая позиция равноправия и независимости от них,

вплоть до прямых запретов общения и сотрудничества с ними. Приведем несколько примеров: в Тарковском шамхальстве любое общество могло пользоваться пастбищами феодала (без спрашивания разрешения), если они находились вблизи населенного пункта (т.е. входили в сельскохозяйственную округу села) от появления звезды Чилле (февраль) до Турму (м.б. Турши) (26. С. 48-49). В адатах Андалальского союза обществ прямо говорится, что, если «кто из наших» возьмет лошадь или оружие, с условием служить эмиру» – то, что он взял, становится нашим (т.е. собственностью общины), независимо от того, как он его взял - по своей просьбе или иначе. Далее говорится, что если кто пойдет к эмирам без дела и особой нужды и пробудет три дня – 100 баранов штрафа в пользу общины. Если кто из нас даст в пользу эмира свидетельские показания (выгодные ему) – 100 баранов штрафа. Если между нашим человеком и эмиром возникнет спор, то он будет рассмотрен в нашем обществе, и никто без нашего разрешения в другое общество для решения спора не пойдет, а если пойдет - взыскать одного быка (23. С. 63).

Очень характерны установления адатов тех даргинских союзов обществ, считавшихся (не без оснований) в сфере политического влияния феодального Кайтагского удмийства: если хан хочет учинить насилие над каким-нибудь селением, то предупредить его, чтобы не делал этого, оказать помощь пострадавшим. Сельчане при этом должны быть единодушны, а кто отделится – дом его разрушить, самого его выселить. Перед ханом не унижаться, того, кто унижается – изгнать из села и запретить членам его семьи общаться с ним. Если хан поднимет ополчение без совета с умными людьми наложить на него 30 туманов (300 руб.) штрафа. Если поход с одобрения – выходят все как один, кто не явится – 100 танка штрафа (танка – мера сыпучих тел до 12 фунтов). Пусть это наказание будет одинаковым для всех - для узденя, для хана, для бека, для раба (19. С. 32).

Для мирного решения конфликта, связанного с потравой угодий другого селения, имелась особая статья о том, что к месту потравы следует направить двух почетных стариков из нейтрального селения для оценки и взыскания ущерба. Кандидатуры этих стариков-посредников должны были быть одобрены обеими конфликтующими сторонами. В отдельных случаях при конфликтах внутри союза обществ допускалось, что эти два старика могут быть из пострадавшего селения. Однако и в этих случаях делается оговорка, что оценка убытка делается лишь при значительных потравах, если же она мала, то взыскивается всего один сах зерна (20 коп.). Другая оговорка содержит положение о том, что если потрава неумышленна, то взыскивается всего 50 коп. с пастухов за нерадивость (3. С. 419-421). Характерно, что общества и феодальные владения старались обеспечить на подобном же уровне и безопасность на скотопрогонных трассах, одном из самых вероятных источников потрав и конфликтов. Так, например, семь союзов даргинских обществ выработали общее установление о том, что «всякое убийство на урочищах Дюз-Майдан, Чурма Кака, Ая-Кака, Диква-Дюз, Какбарц, Маква-Цильда, Чертла Ирца и Уркут» считается «кара». Комментаторы считают причиной этого то, что здесь убийства были часты по безлюдности и отдаленности мест» (3. С. 86). Однако, судя по приведенным наименованиям урочищ – это не безлюдные места, а известные стоянки и отрезки на скотопрогонных трассах. Здесь часто встречались люди: во-первых, перегоняющие скот с местными жителями, во-вторых, владельцы отар из самых разных обществ и селений, и поэтому были возможны столкновения. Для предупреждения этих опасных конфликтов и предусматривалось самое тяжелое наказание.

Таковы правовые и организационные меры, принимаемые сельской общиной и их союзами для правильной организации выпаса, рационального деления сельских пастбищ, разумного и гармоничного сочетания хозяйственных (и угодийных) интересов земледелия и скотоводства.

Жесткие правовые организующие (в том числе запретительные) установления и коллективные действия общины были вызваны к жизни и выдвинуты на первый план хозяйственной жизни поселений в целях (по причине) необходимости максимального

использования угодий при тесном сочленении и (сочетании интересов) скотоводства с земледельческим хозяйством, в условиях земельной тесноты и нехватки сельскохозяйственных угодий.

Заметим при этом, что в жестких установлениях общин во имя главной цели – обеспечения нормального функционирования хозяйственного организма, гармонизации хозяйственных интересов поселения, общины (и союза общин, и региона) в целом, общественно-политическая структура общины снизу доверху, от квартального джамаата до союза общин, их союзов (суперсоюзов, включая и феодальные образования) отодвигала на задний план и нередко просто игнорировала все другие аспекты жизни и быта населения, включая общественный и семейный быт, родственные, этнические, политические и иные отношения. Достоинно удивления, что в этот хозяйственно-экономический механизм были включены (инкорпорированы), за некоторыми отдельными исключениями, феодальные образования.

Возможно, что именно такая органическая, экономическая сочлененность вкупе с морально-этическими традициями понятия единого дагестанского отечества цементировала дагестанские народы в период тяжелых испытаний и нашествий и предупреждала выжидательные и узкоклассовые политические и иные расклады и выверты дагестанских феодалов, склоняя их к пониманию и защите в таких ситуациях обще дагестанских интересов.

В заключение следует указать еще на одну сторону организационно-правовых функций дагестанской общины в регулировании хозяйственной жизни поселения. Исторически сложившиеся протяженные традиции правового регулирования хозяйственного организма в форме адатных установлений приводили к тому, что эти нормы и установления становились составной частью общественно-бытовой морали и этики, во многих случаях адатно-правовые нормы становились одновременно и морально-этическими, дополняя кодекс морально-этических норм, выраженных в основных понятиях «яхI», «намус», мужества и «умности» (целомудрия).

Жесткие установления общины как бы органически вплетались в эти понятия, становились нормой поведения и этикета. Характерный пример подобного нормирования произошел с унцукульским старшиной Омар Дибиром, который в гостях у князя Чавчавадзе охотно поедая все подаваемое на стол, не ел виноград до пятнадцатого дня осени, когда на его родине разрешалось приступить к уборке (и вкушению) винограда. Можно указать и на другие случаи превращения запретных установлений общины в моральные нормы: например практический запрет на нанесение колющего удара кинжалом во внутрисельских и межобщинных схватках (из-за трудной излечиваемости ран) стал своеобразным правилом мужской чести и достоинства, рыцарства (что оказалось поначалу недостатком дагестанских воинов при рукопашных схватках с русскими солдатами – замах кинжалом и выпад, укол штыком). В ряду подобных моральных норм можно указать и на неприкосновенность чужака и его собственности на территории общины, моральная воздержанность от вкушения и особенно срывания плодов в чужом саду или огороде и многое другое, но это уже разговор отдельной темы.

Однако приведем два примера, показывающие, насколько разносторонняя была деятельность общины, как велика была ее роль в организации и регулировании всех сторон хозяйственного, общественного, административного, семейного быта, культуры сельского общежития. Община уделяла большое внимание нравственному состоянию членов общины, и, придавая большое значение в этом отношении религии, всячески поддерживала ее, ее авторитет, религиозные установки и нравственно-моральные принципы и установления. И одним из средств защиты религии и ее предписаний, способствовавших укреплению нравственности (а их было немало), было предупреждение и наказание всяких посягательств на ее имущество, ее функционеров, ее установлений.

Статей адата, посвященных этому, было много, приведем одну из них: в обычном праве Цудахарского союза обществ за воровство из мечети штраф брался вдвое, уворованное взыскивалось вдесятеро, обвиненный объявлялся кровником всего джамаата, как за убийство, и уделялся из селения (4. С. 121).*****

Второй пример, очень характерный и в какой-то степени поразительный, касается правил пользования сельскими водными источниками. Удивительно, до чего глубоко продуманными и рациональными были любые запретительные установления общины, будь они хозяйственные, административные, бытовые и т.д. Не мешало бы главам нынешних сельских администраций хорошо изучить их и продумать возможность использования части из них в современной административной практике. Так вот, в установлении Цекобского общества сказано, что если кто загрязнит воды стиркой в бассейнах нижней мечети, верхней мечети, в трех бассейнах у речки и в источниках откуда берут воду, – штраф 2 мерки ячменя (мерка – 10-12 кг зерна). Если кто будет мочить стебли конопли в источниках питьевой воды – штраф – 1 мерка зерна (23. С. 99).

Община, таким образом, выступает в качестве и субъекта, и гаранта, и организатора хозяйственной (и всяческой иной) жизни поселения, регулируемой установлениями и адатно-правовыми нормами, поднимающимися в своем функционировании и значимости вплоть до государственного (и межгосударственного) уровня, нередко превращающимися, перерождающимися и в морально-этические правила, нормы и принципы.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Базовый материал работы полевой, этнографический, однако в рамках небольшой статьи ссылаться на него каждый раз мы сочли нецелесообразным.

** Ср. об этом у Вилькенса: «Из всех животных самые страшные враги для леса – это козы, так как они не щадят ничего». (8. С. 24).

***Кош – опытно установившееся количество овец всех категорий (бараны, матки, ягнята, валухи и др.), рациональное для совместного содержания в данных имеющихся условиях, для образования которого их владельцы объединяются в товарищество (кош), а крупные владельцы организуют самостоятельно, и с ними часто кооперируются и мелкие владельцы, присоединяя к ним своих овец (за плату, отработку чабаном и т.п.).

** «Происхождение термина, скорее всего, связано со словом «кьяр» (травя) и «лугес», «луган» (давать, дающий).

*****Глубоко впечатляющий пример того, насколько крепко укоренилась народная (известно, что нормы эти принимались на общесельских и общесоюзно-сельских сходах) традиция уважительности к мечетскому имуществу (ведь она почти полностью шла на оказание материальной помощи сирым, вдовам, старым и немощным, неимущим), мы наблюдали на примере старой мечети в сел. Х.-Махи этого же союза сельских обществ. Здесь у самого края магистрального, очень оживленного шоссе стояла небольшая мечеть, в которой, по преданию, совершил предвечернюю молитву (намаз) имам Шамиль с семьей, когда его везли, пленного, из Гуниба в Россию. Она была закрыта властями в начале 30-х гг., и затем на протяжении более чем 50 лет во время приездов в аул можно было наблюдать, как ветшает и обрушивается ее крыша, падали бревна, блоки, выпадали камни из верхней части стены. Дерево постепенно гнило, но ни одна частица его не была унесена, хотя бы на топливо, камни же аккуратно складывали рядом в штабель. А ведь это был добротный строительный материал, а камни были вообще отборные тесаные блоки. За эти годы аул пережил и голод, и холод, и разруху, и воровство в селе было, и колоссальный строительный бум, начиная с 60-х гг., но материалы оставались на месте, только штабель камней увеличивался и дерево все гнило.

В ответ на удивление по поводу этого феномена было сказано, что мечетское не тронут, а если кто и был бы непрочь попользоваться добром, побоится, на этом можно жестоко пострадать. И лишь при реставрации мечети в последние годы эти камни опять вернулись на свое место.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Агларов М.А.* Земледельческая округа «мегъ» в Аварии в XVIII-XIX вв. (Структура, планировка и общинный режим эксплуатации) // Быт сельского поселения Дагестана (XIX – нач. XX в.) Махачкала, 1981.
2. *Агларов М.А.* Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношений форм хозяйства, социальных структур и этноса) М., 1988.
3. *Адаты Дагестанской области и Закатальского округа* (Ред. И.Я. Сандрыгаило) Тифлис, 1899.
4. *Адаты даргинских обществ* // ССКГ, VII. Тифлис, 1973.
5. *Амиров Г.М.* Среди горцев Северного Дагестана // ССКГ, VII. Тифлис, 1873.
6. *Бжания Ц.Н.* Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. Сухуми, 1962.
7. *Булатова А.Г.* Лакцы (XIX – нач. XX в.) Историко-этнографические очерки. Махачкала, 1971.
8. *Вилькенс М.* Горное хозяйство Швейцарии, Альгау и Западной Австрии М., 1876.
9. *Вильчевский О.* Курды // ТИЭ, 67. М., 1961.
10. *Гвоздецкий Н.А.* Кавказ. Очерки природы. М., 1963.
11. *Гуревич А.Я.* Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.
12. *Джапаридзе Н.* Очерк о формах альпийского хозяйства Верхней Рачи // Экономист Грузии, 1929. № 5-6.
13. *Зелинский С.П.* Экономический быт государственных крестьян в Зангезурском уезде Елисаветпольской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, IV. Тифлис, 1886.
14. *Калантар А.А.* Состояние скотоводства на Кавказе // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. II. Тифлис, 1890.
15. *Кисляков Н.А.* Патриархально-феодалные отношения среди оседлого населения Бухарского ханства в конце XIX – нач. XX в. // ТИЭ, 74, 1962.
16. *Комаров А.В.* Адаты и судопроизводство по ним (Материалы для статистики Дагестанской области). Постановления кайтагского уцмия Рустем-хана // ССКГ, I, Тифлис, 1868.
17. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву горцев Северного и Восточного Кавказа. Вып. 2. Одесса, 1883.
18. *Магомедов Р.М.* Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – нач. XIX в. Махачкала, 1957.
19. *Магомедов Р.М.* Памятники истории и письменности даргинцев XVII в. Махачкала, 1965.
20. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
21. *Мкртумян Ю.И.* Формы скотоводства и быт населения в армянской деревне второй половины XIX в. // СЭ. 1968. № 4.
22. *Мовсисянц А.П.* О рациональном использовании сезонных пастбищ // Советская зоотехния. 1952. № 10.
23. Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. Архивные материалы / Составление, предисловие и примечания. Х.М. Хашаева М., 1965.

24. *Робакидзе А. И.* Поселение как источник изучения общественного быта // УП МКАЭН. М., 1964.
25. *Семенов Ю.И.* О стадильной типологии общины // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
26. *Хашаев Х.М.* Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959.
27. *Хашаев Х.-М., Саидов М.С.* Гидатлинские адаты. Махачкала, 1967.
28. *Шенников А.А.* Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до XX в. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977.
29. *Шифферс Е.В.* Растительность Северного Кавказа и его природные кормовые угодья. М.-Л., 1953.
30. *Шнирельман В.А.* Происхождение скотоводства (Культурно-историческая проблема). М., 1980.
31. *Энгельс Ф.* Марка // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.